

Татяна Левченко

На брегах пространств

фанти-реал

Татьяна Левченко
На берегах
пространств. Фант-реал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23098544
ISBN 9785448332487

Аннотация

Кто с детства привык представлять берег границей трёх миров – неба, земли, воды, – тому очень легко понять, что существуют «берега пространств». Это – зыбкие грани между разными Галактиками и разными Вселенными. Между реальностью и фантастикой. Таковы повести Татьяны Левченко. В них дивным образом сочетаются бытовая приземлённость и лёгкий, почти невесомый полёт воображения...

Содержание

Самосожжение	5
Пролог	6
I	13
II	21
III	29
IV	47
V	54
Конец ознакомительного фрагмента.	66

На берегах пространств Фант-реал

**Татьяна Владимировна
Левченко**

© Татьяна Владимировна Левченко, 2017

ISBN 978-5-4483-3248-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Самосожжение

«До сих пор остаётся невостребованным вознаграждение... за предоставленные конкретные данные о поджигателях леса. Тем временем... продолжаются подозрительные пожары, тушение которых требует огромных средств... наносит невосполнимый ущерб природе. Анализ показывает, что в ряде случаев злоумышленники пользуются специальными пиротехническими средствами.

Очередной пожар вспыхнул сразу в пяти местах...»

из газет

«Когда сгорает тело – остаётся горсточка праха. Когда горит душа... Что остаётся от сгоревшей невидимым пламенем души? Остаётся свет её, уносящийся в Вечность Космоса. Остаётся энергия излучения её, озаряющая всё, чего коснётся, непознаваемо ясным свечением, облагораживая, очищая. Ведь энергия души сгоревшей не может по сути своей быть никакой иной: души тёмные, смутные никогда не горят. А душа, пошедшая на самосожжение, она – наивысшей чистоты. Ибо только абсолютно незамутненная ни йотой сомнения, ни граном тщеславия, способна на самопожертвование...»

(из записной книжки Андрея Осина)

Пролог

Город просыпался медленно. Казалось, за долгие месяцы тревожного напряжения, жители решили разом все отоспаться в это утро. И непривычная даже для рассветных часов, тишина, плыла в пустынных улицах.

Солнце взошло, и лучи его, ещё никем не увиденные, пробивались сквозь теперь не опасную, не грозящую бедой дымовую завесу. Лёгкий ночной туман поднимался, унося с собой остатки дыма и копоти ввысь, где разгонял, развеивал его верховой ветер, очищая небо для солнечных лучей.

В тягучей сонной тишине лишь один звук появился: лёгкий ритмичный стук, сопровождаемый характерным пошаркиванием. Это известный городской бомж Саша, опираясь на маленькие костылики, шаркал скрюченными обезьяньими ножками, направляясь к «своему законному» месту у центрального рынка. Во всём городе пока лишь он один был свидетелем непривычного уже, солнечного рассвета. Но, кажется, не замечал его, весь погружённый в сосредоточенность: требовалось слишком много усилий для перемещения неуклюжего тела и слишком много времени, чтобы добратся до «своей» стены, где навес близстоящего киоска защищал и от зноя, и от непогоды.

Когда Саша устраивался под навесом, раскладывая на лежащем у стены валуне вытащенные из-за киоска куски кар-

тона, солнце взошло уже довольно высоко, и город весь наполнился обычным шумом, говором, громоуханием. На столбе посреди рынка ожил репродуктор, вялым голосом местного диктора сообщая согражданам вчерашние новости и прочую ерунду, к которой, впрочем, никто не прислушивался. Разве что Саша. Поскольку делать пока было нечего: народ, хоть и стал прибывать, но не тот, кто был бы ему полезен. В смысле, на утреннюю кружку пива от этих хмурых, спешащих скупиться перед работой, женщин, он не наберёт. И не ждал. Вот немного погодя, когда потянутся через рынок, где раньше всех в городе открывался пивной ларёк, мужики, – тогда и на пиво наберётся и на неприятный Сашин завтрак. А то и газетку, какую подешевле, можно будет взять в этом же киоске, как подвезут свежие.

Уже проснувшимся голосом диктор читал сообщение из пожарной части. Саша понемногу прислушивался к передаче, тихонько комментируя про себя.

Ну да... А то неясно и так... теперь-то, после вчерашних чудес, все знают – погасли посадки – то. И никакой там чести этим пожарным нет.

Ведь сколько мотались они, только воду переводили. А деревья горели... Горели! И никто не мог сказать – почему, отчего. Всё поджигателей искали. Люди поговаривали: исполком даже а-агромную премию обещался, если кто скажет за поджигателей – то. Говорят: так никому и не дали. А то вот на днях он забрался в посадки вздремнуть (занесла нелёгкая

в экую даль!) ... Налетели, потаскали выяснять, не видел кого, не жёг ли костров.

Да какие костры?! Когда сам, своими глазами видел: вдруг, ни с того, ни с сего вспыхнуло дерево, другое... И звон ещё стоял... Такой звон, что душе больно было слушать! Он перепугался тогда не на шутку, только давай Бог ноги, которых с рождения – то не дал, как у всех людей. А тут ещё эти пожарные: «что, как, почему?» А он, Саша, знает – почему?! Им жить надоело, сгореть решили... Что он, за них отвечать должен?!

Ну, помыкались эти, в зелёном, покрутили пальцем у виска, да и отпустили с Богом. Там тушить – то нечего было: как вспыхнет дерево, так и сгорит в момент. Разве что трава вокруг припалится. А чтоб переметнулась пламя – нет, того он не видел. Если дерево не хотело гореть – оно и не горело. Так он и объяснил этим зелёным. Да им разве ж объяснишь?! Теперь вот, в заслугу приписывают: погасили – де, нет больше очагов возгорания. Тьфу ты! Весь же ж город почитай видел вчера: упал на всю округу странный, лиловый какой-то, туман – всё и прекратилось. Только один дым и остался. И тот вон, сейчас уже развеялся. Ни при чём здесь ни пожарные, ни их «дружные усилия».

И комиссия эта... Понаехали из самой столицы. Вот, передают: ходили на пожарище, смотрели... Ну что они делали-то тут?! Что выяснили? Молчат. Мол, сведения собрали, поедут в свои столицы, обобщать, выводы делать.

Да разве ж тут сделаешь какие-то научные выводы?! всё дивно, всё странно. Ох, ох! Всё в руках твоих, Господи! А они до всего докопаться хотят...

Сводка новостей закончилась. Другой, молодой женский голос из радио передал:

– А сейчас, дорогие сограждане, в эфире передача «Наши таланты». Свои стихи читает городской поэт Андрей Осин, – и, немного помявшись, пошелестев чем – то в микрофон, грустно так, дикторша добавила. – С прискорбием сообщаем. Как только что стало известно: вчера, во время последнего лесного пожара Андрей Осин погиб, оказавшись в самом эпицентре...

Саша вскинул голову. Сердце его при последних словах дикторши непривычно сжалось в комок, замерло, а после вдруг зачастило, как сумасшедшее.

* * *

Андрюху Саша знал с тех ещё пор, когда тот бегал шкетом голоногим. Сам Саша был тогда значительно, ой как значительно, моложе! Жили они поблизости. В тех старых улочках города, где дворы, непостижимым образом перекручиваясь и петляя, сплетаются друг с другом.

Это потом, уже школу заканчивая, Андрей с родителями переехал куда-то в новые кварталы. А Саша, он ведь только так считался бомжем, из-за модного словечка. Потому, вид-

но, что Давным-давно посеял где-то свой паспорт, а о новом и не думал. На кой он ему: работать никогда не работал, а, значит, и пенсии никакой. Оформить инвалидность не мог, потому что уж сколько раз в больнице теряли и снова заводили историю болезни, и ничего им не докажешь. В конце концов, Саша вовсе перестал к врачам обращаться. Как жил, так и живёт в своей хибарке, от матери ещё доставшейся, в одном из тех запутанных дворов. Люди, слава Богу, добрые не перевелись: и дровишками зимой помогут, продуктами, деньгами ли, одежонку-обувь принесут... Много ли ему надо...

Так вот, Андрюха-то... Тот всегда был каким-то особенным. В отличие от прочей детворы, не дразнил несчастного калеку, не бросал камнями. Напротив. Бывало – прибежит, и давай рассказывать какие-то свои ребячьи приключения. Стишки, ещё детские, садюшки-нескладушки, бывало, читал. Ну, вроде, как это, что Саше и сейчас почему-то помнится:

А мне мама выколола глазки,
Чтобы я конфетки не нашёл.
И пускай теперь я не читаю сказки,
Зато нюхаю и слышу хорошо.

Саша спросил тогда: зачем так-то? А пацан махнул рукой, бросил бесшабашно, но серьёзное такое:

– Та! Просто. Всегда – всегда есть что-то хорошее. Даже

В плохом...

А то, бывало, присядет напротив Саши на корточки, – колени выше плеч, – а с остренького личика – глаза, до того огромные! И боль, и тревога из их черноты так и льются в твою душу...

– Саша, – спрашивал очень серьёзно и грустно, – а ты... ты никогда в жизни не бегал?!

Нет, не бегал он... Ползал... Пока не заставил сам себя, с помощью вот этих маленьких костыликов, передвигать свои безобразные лапки, принуждая их шагать, не волочиться следом ненужным грузом.

И подростком патлатым, длинным, неуклюжим, приходил к нему Андрей – незаменимый автор песенок одной из городских музыкальных групп, что наплодилось тогда, как котят бездомных. Приходил с гитарой, а порой и с бутылкой дешёвого вина. Смотрел своими пронзительно – болящими, бездонной черноты, глазами. Расспрашивал о жизни, дурачки – нескладной, о себе рассказывал. Или вдруг, залихватски подыгрывая, запевал что-то вроде «Хорошо в краю родном...»

Взрослым, Андрей уже не пел и стихов своих не читал больше. Но однажды пропел – подарил одну песенку. И ту Саша берёт в своей памяти, как самый ценный подарок. Потому как, слишком она была для него...

Так вот, приходил, не гнушался Андрюха, и став уже вовсе солидным, хоть всё таким же худющим, мужиком. Спраши-

вал «за жизнь», деньгами подсоблял. «С гонорара» – говорил. Вот и после того случая, с пожарными, как узнал-прослышал? Подошёл прямо здесь, на этом месте, глянул-обжёг глазищами. Чтобы не возвышаться двухметровым почти ростом над калекой, присел, как в детстве, на корточки – и даже коленки острые так же над плечами выставились.

Саша тогда ему и сказал: сами, мол, деревья горят. Жить им, что ли, надоело? И про звон сказал. И ещё добавил, сам не знает, почему:

– А если им сказать: не надо, мол, живите? Как думаешь, – перестанут?

Андрей долго тогда смотрел в сморщенное, ветрами и солнцем попеченное, Сашино лицо, в блёкло – серые старческие глаза.

– Попробуем... – только и сказал.

И вот... «В самом эпицентре...» Саша потёр заскорузлой ладонью грудь, где бесновалось, частило сердце, и приготовился слушать.

I

– Уже?.. Пора? – слова-мысли чуть заметно встревожили пространство лёгким волнением.

Альхос, восприняв их, повернулся вместе с креслом к сидящей рядом, у пульта, Онии. Его глаза непроницаемого цвета Космоса излучали любовь и бесконечную нежность.

– К Переходу всё готово, – ответил он, указав на два ложа овальной формы в нише у стены помещения. – Но у нас есть ещё время. Ты встревожена, Ония. В таком состоянии нельзя идти в Переход. Ты же знаешь... – Альхос с мягкой озабоченностью смотрел на подругу.

Ония обернулась к стене, окидывая взглядом подготовленную аппаратуру. Над ложами, закреплённые силовым полем, висели прозрачные крышки, повторяющие их форму. Все механизмы, обеспечивающие надёжность Перехода, были укрыты в основаниях лож и проводниками энергии соединены с пультом управления, на котором только что Альхос закончил подготовительные операции. Оставалось только занять места... Ония встретила взглядом с Альхосом.

– Ты же знаешь, – повторил он, – тревога, неуверенность ослабляют твою личность.

– Да. И всё же... Это сомнение... А правы ли мы, решив вмешаться? Ведь это так тонко! Малейшая ошибка, оплошность, и – всё может обернуться непоправимым...

– Нет, Ония! Ты не должна сомневаться: сами себя мы контролируем, тройное дублирование контроля здесь, на Станции... Если же Личность окажется более сильной, она останется Личностью жителя Планеты. И никакого вреда не принесёт.

– ... Если Личность окажется сильной... – эхом отозвалась Ония. – Я и этого страшусь, Альхос! Если Личность окажется сильной, что мы сможем поделаться?! И сумеем ли тогда вернуться? Не воздействует ли она на одного из нас или даже на обоих, на сущность нашу так, что мы больше никогда не сможем вырваться с этой Планеты, никогда не встретимся, не воссоединимся в Священном Слиянии Творения Прекрасного?!

– Ония! – Альхос с мягким укором заглянул в чистую биорюзу глаз подруги.

Но она остановила его плавным жестом четырёхпалой руки, гибкой, как и всё тело, облегаемое плотным слоем защитной оболочки, которая непосвящённому показалась бы серебристо – серой кожей, оставляющей открытым только лицо, почти правильным треугольником, обращённым вершиной вниз, обрамляя его. Большую часть лица занимали огромные, без зрачков, глаза, немного скошенные к слабому намёку на нос, ниже которого, почти у самой вершины треугольника, обозначавшей подбородок, виднелась узкая безгубая полоска ротового отверстия, остававшаяся во время беседы в бездействии: творцам нет необходимости использо-

вать звук для передачи мыслей. А внешность их, которую им придавала защитная оболочка, просто приблизительно копировала внешность жителей Планеты, что проплывала сейчас, такая нежно – печальная, на экране внешнего обзора.

Ония смотрела на планету. Потом снова повернулась к Альхосу.

– Всё-таки, почему они начали гореть? Почему деревья? По всей Планете столько потенциальных очагов возгорания: гниющие болота, огромные нефтяные пятна в морях и океанах, выходы газа на местах заброшенных и действующих месторождений... Конечно, и в этих местах случаются пожары, и от брошенного костра сгорают целые лесные массивы. Но это – совсем иное... Деревья... отдельные деревья... и всё больше, всё чаще... почему?

– Но ведь это мы и должны выяснить, Ония! Месторождения, водные пространства – дело других Творцов. Они работают над этим. Нам же с тобой определена для исследования зелёная зона. Как сами жители её называют: лёгкие Планеты, её душа...

– ... Её душа... – снова повторила Ония вслед за другом. – ... Её душа... Альхос! – раздавшийся звук голоса заставил того вздрогнуть. – Альхос! – уже мысленно продолжала Ония. – Я вдруг подумала: не в этом ли вся суть, что зелёный покров Планеты – душа её. И каждым отдельным деревом, каким-то способом она связана с душами людей. Потому и гибнут люди, когда сгорают ИХ деревья. Но... по-

чему же они горят?!

– Не будем спешить с выводами. Всё это нам предстоит выяснить. Но, может быть, потому, почему и мы с тобой, Ония, идём сейчас в Переход. Идём вопреки страху, что можем не вернуться. На планете подобное называется самопожертвованием.

Возможно, душа Планета, отчаявшись от безумств жителей, решила воздействовать на них таким вот образом. Ведь, сгорая в самопожертвовании, душа излучает невиданной силы энергию, которая очищает, облагораживает всё и всех, к чему и кому прикоснётся.

– Но... при этом гибнут люди!

– Что сделать! Видимо, во всём Космосе нельзя при спасении большего обойтись без жертв. Гибнут те, кто наиболее прочно связан с душой Планеты, с Природой. Их освободившаяся энергия, сливаясь с энергией горящих деревьев, усиливает её очищающее воздействие на оставшихся.

– Если так, то зачем, почему мы должны вмешиваться и гасить это очищающее пламя?!

– Потому, Ония, что душа лишена разума. И в порыве самопожертвования может сгореть до основания. А это значит – погибнет всё население, весь живой мир: Планета останется без кислорода. Мы же призваны спасти эту, такую ещё юную, цивилизацию. На то мы и Творцы Прекрасного. Пусть даже мы с тобой не сможем вернуться – за нами пойдут другие, которые сумеют всё сделать. Или мы вернёмся преобра-

жённные настолько, что товарищам придётся законсервировать наши сущности. Но мы не канем в Вечность: мы оставим здесь своего преемника. Всем парам, идущим в Переход, разрешено это здесь, на Станции.

Ония задумчиво вглядывалась в проплывающую на обзорном экране голубую Планету. В разрывах облачности, смешанной с дымом пожаров, копотью из труб промышленных предприятий, мелькали очертания материков, проблески яркой синевы морей и океанов. Она знала, что водная поверхность изуродована огромными нефтяными пятнами, разным мусором, косяками мёртвой рыбы, безвольно носящимися по волнам. То же было и на суше: грязь, пожары, обезображивали поверхность почти всей Планеты.

Но отсюда, из Космоса, она выглядела невыразимо прекрасной. Беззащитной в своей нежной голубизне, ореолом окутывающей её всю. Беспомощной, испуганной, в отчаянии решившейся на крайний шаг самопожертвования. И страхась этого шага, и крича своим видом о помощи, и... пугаясь этой помощи.

Зов её услышан. Творцы на орбите.

Тёплая нежность сквозила из глаз Онии. Беззвучно летели в пространство слова:

Не пугайся просторов Вселенной,
Одинокая звёздочка – боль!
Я пришла. Привыкай постепенно:
Я отныне – навеки с тобой.

Я – любовь, я – надежда и вера.
Я тебе – милосердной сестрой.
Я пришла. Я стучусь в твои двери.
Я стучусь в твоё сердце: открой!

– Я готова! – Ония повернулась к Альхосу. Твёрдая вера в необходимость ответственного шага лилась из её огромных бирюзовых глаз.

– Вот и хорошо. Я чувствую – спокойствие вернулось к тебе. Теперь ничто не стоит между нами перед нашим последним Слиянием.

– Последним?.. – взгляд Онии слегка затуманился.

– Последним перед Переходом, – поправился Альхос. – Мы соединимся в Священном Слиянии Творения Прекрасного, оставим своего преемника и уйдём в Переход на высшей точке очищения сущности.

Переместившись в центр помещения, Альхос мягко провёл ладонями вдоль тела, убирая, гася защитную оболочку. Без неё сущность его, лучась голубям сиянием, постепенно теряя очертания конечностей, обратилась плотным плазмобразным облаком яйцевидной формы.

Ония с нежностью наблюдала за приготовлением своего друга. Она немного задержалась, приблизилась к панели, где спокойно перемигивались огоньки, сигнализирующие о готовности аппаратуры принять две светящиеся пульсирующие жизни. Принять, погасив их сияние, перенеся сознание в чёрное неизвестно и заботливо, чутко охранять часы, го-

ды, тысячелетия, дожидаясь, когда вновь они вспыхнут тёплым свечением возвратившегося сознания. Или так и не дождаться этого мига...

Ония повернулась к Альхосу. Его сущность, уже окончательно сформировавшись в светящийся голубым кокон, излучала ожидание и любовь. Она так же мягко провела ладонями по своей оболочке, освобождаясь от серой шелковистости «кожи». Ещё не потеряв контуров конечностей, протянула руки к любимому и, вся озарённая мягким розовым сиянием, рванулась к нему.

Их сущности, встретившись в пространстве, соединились в единый кокон, в один миг скрутившийся розово – голубым жгутом, который резко вытянулся и тут же свернулся, приняв форму плотного, раз в десять меньше исходного тела, шара. Шар несколько мгновений покачивался в пространстве у самого пола, переливаясь розово – голубыми спиралями. Затем он словно лопнул по нескольким радиусам от вершины, опала верхняя оболочка голубоватыми лепестками, открыв под собою новую, которая так же развернулась, уже розовыми лепестками. Снова и снова раскрывались лепестки, переходя постепенно в единый тепло – сиреневый цвет. И в пространстве помещения, колыхаясь на невидимом стебле у самого пола, выростал, переливаясь, светясь, озаряя всё вокруг сиреневым, розовым, голубым дивный цветок лотоса, рождённый Священным Слиянием Творения Прекрасного. Наконец, из сердцевины цветка фонтаном выплеснулись

три светящихся ярким сиреневым светом стрежня, оканчивающиеся небольшими округлениями. Они стали загибаться, сворачиваться книзу, разделяя цветок на три равные доли, вбирая в себя, каждый со своей стороны, лучащиеся лепестки.

И вот, наконец, на месте цветка остались три плода Священного Слияния. Три нежно – сиреневых кокона. Медленно покачиваясь, постепенно изменяя цвет на голубой и розовый, два из них подплыли к приготовленным ложам, замерли там. Сверху опустились прозрачные крышки, накрепко, до цельности соединившись с основаниями.

Заработала аппаратура, забегали огоньки на панели пульта. В помещение вошли трое Творцов, все в защитной серой оболочке. В деловой молчаливости, они произвели все необходимые действия, чтобы Переход состоялся.

Третий, оставшийся сиреневым, кокон бережно уложили в такое же ложе в ином помещении, где он получит и питание, и жизненную информацию, со временем превратившись в полноценную творческую сущность, несущую в себе частичку своих создателей. Только много погодя он определится в половом отношении, и тогда возьмёт себе имя.

Успокоилось мелькание огоньков, погасло сияние под колпаками лож. Покинули Творцы помещение, в котором теперь на долгое, долгое время поселилось Ожидание.

II

Девушка разметалась во сне, отбросив на пол такое лишнее в душной июльской ночи покрывало. Полная луна, заглянув в окно, высветила на смятой простыне узкой постели темневшее матовым загаром крупное тело с уже оформившимися округлыми контурами. Спящая лежала на спине, прислонив к стене согнутую в колене ногу, обе руки забросив за голову под рассыпавшиеся чёрными протуберанцами пряди тяжёлых волос. Неправильные, чуть грубоватые черты лица её сейчас были полны тревожного напряжения. Тёмные полосы бровей стремились сойтись на переносице, прочерчивая две глубокие складки. Большие глаза в кайме длинных, тенью лежащих ресниц были плотно зажмурены, как от яркого света. Крупный рот то крепко сжимался, то приоткрывался в учащённом дыхании или глубоком, со стоном, вздохе.

...Она видела себя маленькой в посадках, где юный рукотворный лес ещё не мог дать настоящей сумрачной тени. Деревца росли ровными рядами, как когда-то их посеяли. Трава в колеях между рядами деревьев порой достигала её плеча. В лесу было жутковато. Потому что она очень боялась паутины, повсюду растянутой между ветвями.

Деревьям было тесно, жарко, они стояли в мареве знойных испарений. Она жалела их, гладила пальчиками широ-

ховатые стволы, запылённые тусклые листья. Шла и вдыхала запах леса. Запах ЕЁ леса был неповторим: перегретые на солнце, даже на ощупь горячие листья, закипающая смола в трещинках коры юных сосенок, цветущая трава, задевающая метёлками и колосками щёки и сухая растрескавшаяся земля под босыми маленькими ножками...

...Она убежала в степь. Маленькая, затерянная в её просторах, не боялась одиночества. Любила дышать запахом диких степных трав. Изредка собирала букет полевых цветов, приносила его к вечеру домой полуувядшим. Это заставляло её жалеть цветы. И чаще она просто склонялась к невзрачному, но такому таинственно – прекрасному цветку белокурой от палящих лучей, вечно лохматой головой, вдыхала горьковатый аромат неизвестного растения, гладила запылённые лепестки. И шла дальше, дальше в степь, зачастую сжимая в кулачке два грецких ореха. От орехов ладони были неотмываемо коричневыми. Но упрямо, как только появлялись на дереве, растущем посреди старого тесного двора, плоды, она сбивала палкой или камнем два и, зажав их в кулачке, уносила в степь. А вечером с надеждой оставляла в вырытой под деревом ямке, ещё веря, что из них, незрелых, может вырасти новое дерево только потому, что она показала им степь, простор знойного блёклого неба и колючую стерню сжатых хлебов. Верила, что дарила им жажду жизни, проведя через сердце, излучая её для них ладошками.

...Всё, что так любила и в детстве, таком далёком уже,

и сейчас, выйдя на рубеж взросления, промелькнуло перед нею в этом странном тревожном сне.

Она ещё видела себя посреди степи, следящей взглядом за кружением над головой незнакомой крупной птицы, шуря огромные синие с прозеленью глаза от спящих лучей. И вдруг заметила, что лучи исходят вовсе не от солнца, а от светящегося голубым, розовым, летящего прямо на неё, шара. Замерла в беспомощности ужаса.

Но шар не упал; мягко опустился, обволакивая нежным розовым сиянием всю её. Пришло ощущение доброты, любви, спокойствия. Доверчиво отдалась она ласкающим лучам, принимая их в себя, впивая глазами, впитывая кожей. И постепенно шар угас, растворился в ней. Только оставшееся голубое сияние поднялось лёгким облачком и уплыло, слилось с синевой неба. На миг сердце сжал страх неведомого, тоска по чему – то утраченному. Но нежное, ласковое шевельнулось в груди, и она улыбнулась.

...Так, с улыбкой, и проснулась. Встала с жаркой постели, потянулась всем телом в льющихся через окно лучах восходящего солнца. Шагнула к двери, где на гвоздике висел лёгкий заношенный халатик, и замерла, отразившись вся в высоком зеркале трельяжа. Словно позабыв о своей обнажённости, теперь с удивлением разглядывала себя в зеркале.

Вдруг дикий ужас мелькнул в широко распахнутых глазах. Сжав виски ладонями, девушка резко присела из-за внезапной слабости в ногах. Медленно подняла глаза к зеркалу.

«Кто это?!.. Что это?..» – всё было таким чужим: тяжёлые мощные бёдра ног с широкими лодыжками, округлый, чуть выпирающий вперёд, живот, крупные, не по возрасту развитые, груди, полноватые руки, резкие черты лица в окаймлении тяжёлых прядей тёмных до черноты волос. Лишь глаза, непропорциональные, широко распахнутые, странного синевато-зелёного цвета – они одни были ей знакомы. «Что это? – в смятении подумала она. – Я с ума схожу, что ли? Я же каждый день вижу себя в этом зеркале! Почему же я – не я?»

Поднявшись с корточек, подошла к зеркалу вплотную, внимательно вглядываясь в каждое движение незнакомого тела, в глаза отражения. «Там, в глазах, – это я... Но ведь тогда и всё остальное – тоже я. И вот эта, что стоит перед зеркалом – тоже я... И та, которая сейчас мыслит об этом – тоже я...» Вновь сжала виски: «Боже! Так ведь действительно можно свихнуться! Сколько же меня?! И – кто я? Кто я?! Как моё имя?!» Девушка растерянно вглядывалась в незнакомые черты, всё яснее осознавая, что не только не узнаёт отражение, но не знает даже собственного имени! Страх накатил оглушающей волной. Лихорадочно она заставляла себя вспомнить имя. Но в голове крутились лишь обрывки нынешнего сна.

– Ольга! – вдруг раздался резкий голос матери, входящей в комнату. – Ты чего разголилась?! Давай, быстренько беги за молоком, бо баба Дарья уйдёт коров пасти. Я – на работу. Да смотри ж, – донеслось уже из-за двери, – хоть в хате

прибери. А то опять завеешься на целый день! Деньги вот, на столе, сдачу не трать – на хлеб надо...

Услышав скрип закрывающейся входной двери, Ольга облегчённо вздохнула и села на кровать. Ну, конечно! Что за ерунда?! Всю ночь снилась себе маленькой, вот со сна и показалась чужой. Вот дура – то!

* * *

– Олька, ты чего?!

Глухо звякнули осколки фарфоровой статуэтки: от неожиданности, Ольга выронила фигурку, которую перед тем странно долго разглядывала.

– Последний! Это был последний слоник! – оглянувшись на вошедшую девушку, какое-то время вглядывалась в неё, явно не узнавая. Та повторила:

– Ты чего, Олька? Странная какая – то...

– Ой, Светка! – Ольга потёрла лоб, словно снимая невидимую завесу с лица. – В самом деле – странная какая – то... совсем не слышала, как ты пришла... слон этот... будто первый раз видела... и ты... не узнала сразу... Да я себя сегодня в зеркале не узнала! Представляешь: как будто я – это не я...

Светлана, присев на корточки, собирала в ладонь осколки. Глянула снизу:

– Вы что сегодня, сговорились? Иду к тебе, встречаю пацана – он до переезда у нас в классе был, в той ещё шко-

ле. Ну, всегда здоровались... А тут идёт и глупо лыбится. Я: «Привет!», а он вот так, как ты, перепугался, стал и смотрит. А потом тоже: «Будто я – не я». Фигня какая – то! Влетит от матери? – протянула осколки Ольге. – Последний был...

– А! – Ольга махнула рукой. – Давно пора. Бой мещанству! Переедем – никаких слоников!

– А я тебя ждала, ждала, чтобы вместе идти... А тебя всё нет. Я и пошла к тебе.

– Да мать с утра наказала убрать. И то: вечно, уйду, а подмести лень. А вообще, что-то непонятное: полчаса искала веник и не могла вспомнить, что же ищу. И каждую вещь, как дура, разглядываю по три часа. Будто никогда не видела! Ей Богу, Светка, уже думала – свихнулась! А куда идти?

– Как – куда?! Мы же договорились! Серёжка ж сегодня в увольнении. И Кольку обещал привести.

– Кольку? А кто это? Ой, опять! – Ольга вспыхнула от внезапного смущения. – Правда? Придёт? Слушай, давай быстренько закончим. А то я до вечера провожусь. А вместе мы мигом.

Девушки быстро закончили уборку маленького, в одну комнату с кухней и коридорчиком – сенями старого домика, пристроенного к множеству таких же, расположенных по периметру тесного общего двора.

Переодевшись, Ольга с некоторой опаской подошла к зеркалу причесаться: вдруг опять оттуда глянет незнакомка. Но в отражении не было ничего необычного. То же самое,

что и утром, но знакомое, привычное.

– Ты бы подкрасилась, – заметила Светлана.

– Зачем? Ты же знаешь: от туши у меня глаза становятся ненормально огромными. Это жутко!

– Как хочешь... – и, дожидаясь, пока Ольга закрывала дверь и прятала ключ под коврик, спросила. – Ты куда пойдёшь теперь, после школы? Поступать будешь?

– С моей дурацкой памятью... – отмахнулась Ольга. – Сама видишь, что творится... Да и работать надо. Матери куда одной уже. Мне же не детские платица теперь – размер больше, чем у неё. Просто ужас, какая толстая! Слушай, как думаешь, я ему вправду нравлюсь? Он такой тоненький, как... как тополёк! А я дылда неуклюжая!..

– Ну что ты наговариваешь! – стройная, словно точёная, Светлана обняла Ольгу за пояс – Крупная, конечно, но таллия, вон какая. И вообще, главное у тебя не в этом. И он же видит... Ну, пошли!

– Видит ли? – Ольга с сомнением покачала головой, выходя следом за подругой со двора, тенистого от обширного ореха, на солнечную улицу. – Мне показалось – он почти безразлично слушает, о чём я говорю.

– А о чём ты говоришь? Всё про свои деревья, как они шепчутся, про облака да росинки – травинки – паутинки? Ох, Олька, ну, когда ты уже спустишься со своих облаков на землю нашу грешную? – Светлана дурашливо притопнула на пыльном плавящемся асфальте острым каблучком. – Ой,

чуть туфлю не потеряла!.. Ребятам что надо? Они в городе хотят остаться, не возвращаться в деревню после армии. Мы с Серёжкой уже решили: распишемся, и будем жить у нас. А чего, деревенские – они хозяевитые, с ними не пропадёшь. А тебе Колька ничего не говорил?

– Ой, что ты! Так сразу? Мы же только месяц знакомы! – вдруг Ольга остановилась. – Знаешь, Светка, что-то тревожное... Так часто передают про лесные пожары... Слушай, а тот мальчишка, что ты говорила, он не рассказывал, почему – «он – как не он»?

– О чём ты? – Светлана с недоумением уставилась на подругу. – Мы же о ребятах говорили, и вдруг – пожары, пацан... Сказал – сон какой-то странный... Какая разница? Тебе до него дело? Пошли! Глянь, вон ребята на остановке. И трамвай идёт. Бежим!

– Ещё чего! Следующим поедем. Идём чинно, смиренно. Подождут. Дольше ждали... Та!.. Бежим!

III

Выйдя с рынка, Ольга остановилась у крайнего киоска, вспомнив, что нужно ещё купить сигареты мужу. Поставила тяжёлые сумки на запылённый ночной ещё крупной асфальт, подтянула потуже узел тёплой косынки и, вынув из внутреннего кармана далеко не нового пальто такой же старенький кошелек со сломанной дужкой, начала пересчитывать оставшуюся мелочь.

Рядом с киоском, как обычно, на валуне, покрытом кусками картона, сидел нищий калека. Потирал покрасневшими от холода ладонями ноги, уродливость которых скрывали до-нельзя стёртые, перекошенные женские войлочные сапоги. Почти безразлично оглядывая прохожих, Ольге он улыбнулся, как старой знакомой, обнажив бледные дёсны, где недоставало многих зубов.

Саша, – так звали нищего, – никогда не просил заискивающе, не крестился притворно – набожно, за что Ольга его немного уважала. И всегда, бывая здесь, не кидала – клала, склонившись, в кепку у скрюченных ног калеки, сколько мог позволить её небогатый бюджет.

Сейчас от сложных подсчётов наличности её отвлек резкий какой-то звяк упавшего в кепку металла. Скосив глаза, она увидела среди мелочи пару серебристых кругляков: такие мальчишки часто используют вместо монет для теле-

фона – услышала грубый насмешливый басок, обращённый к Саше:

– А что ж ты не попросишь, как все? Хочешь? – юный мордорот в джинсовой утеплённой куртке вертел перед лицом нищего крупную купюру. – Ну, давай: перекрестись – «По – о—дай – те – е Бога ра – ади!»

Ольга растерянно перевела взгляд на Сашу – как защитить?! Но тот, лишь слегка скривив губы в саркастической усмешке, пропел вдруг скрипучим, осипшим на морозе, голосом:

Пожалейте нищего,
Нищего – калечного!
Все вы в жизни ищете
Доброго и вечного.
А добро скрываете,
Словно червоточину.
И пятак бросаете
Звонко, как пощёчину! *

Ольга вздрогнула от понимания его безумной смелости. И словно хоть этим пытаясь защитить от засверкавшего злым взглядом юнца, склонилась, бережно ссыпала в кепку так и не пересчитанную мелочь, вынула кругляшки и, выпрямившись, строго глянула в наглые глаза парня, бросив их ему под ноги. Тот, вдруг стушевавшись, молча отступил, растворился в толпе.

Ни словом не перемолвившись с нищим, Ольга подняла сумки и тяжело пошла к остановке.

– Женщина! – вдруг услышала она оклик. – Женщина! Вот, возьмите... – Ольга изумлённо оглянулась на подбегавшую к ней киоскёршу с пачкой сигарет.

– Но... – пробормотала. – Я не могу заплатить... я не...

– Ничего! Вы ведь всегда здесь бываете. Я знаю: Вы вернёте.

Девушка сунула пачку в одну из сумок Ольги и быстро побежала к киоску. Постояв немного в задумчивости, та улыбнулась и продолжила свой путь.

На остановке Ольга оглядела непролазную толпу ожидающих автобуса, с тревогой прислушиваясь к таинственному в себе. Малыш... Малыш устал... Она слишком тяжело нагрузилась, скупившись на рынке. А ещё предстоит поездка в автобусе, в этой толкотне. И всё же она улыбнулась: малыш впервые шевельнулся, словно постучался изнутри: «Я здесь! Я – живу!»

Ольга прислонилась спиной к столбику с расписанием и тихонько погладила живот. «Ну, что ты, – мысленно проговорила, – что ты, маленький? Потерпи. Мы с тобой люди сильные. Мы и сумки дотащим, и автобус одолеем. Ты же видишь: хорошие люди ещё не перевелись... ещё есть на свете... Жаль только, что в последнее время много их почему-то умирает, погибает... И пожары эти... Деревья горят... Почему они горят?.. Но ты, малыш, не бойся: мы всё одолеем.

Даже папку своего непутёвого».

В подошедший автобус Ольга попасть не смогла. Следующего ждать было бессмысленно: начинался перерыв. Вздохнув, подняла сумки и пошла домой пешком.

Она уже очень устала. Шла медленно, не замечая прохожих, вся погружённая в свои мысли.

* * *

Мать умерла, когда младшему, Димке, было полгода. Всего два месяца и побыла на пенсии, ради которой всю жизнь гробилась на тяжёлой работе. Надорвалась под конец. Ольге и жаль её было, и какое-то облегчение почувствовала, за что корила себя нещадно.

Но в последние годы жизнь была сплошным адом. Мать постепенно спивалась. Дома постоянно бывали такие же её подруги. Николай всё чаще присоединялся к ним. Если Ольга возмущалась, начиналось что-то несусветное. Мать ругалась, упрекала, что из-за неё всю жизнь изуродовала:

– Я на тебя всю дорогу ишачила! Оле то, Оле сё... А ты, тварь неблагодарная, хоть что-то для матери сделала?!

Николай полностью поддерживал тещу, так же упрекая жену в лени, безалаберности, чаще – за внешний вид:

– Ты, корова! – пьяно бросал он. – Разъелась! А до сына, до матери тебе дела нет! Ещё второго хочешь! – (Ольга была тогда с Димкой) – Какая ты мать: ни убрать, ни постирать...

Я это должен делать?!

– Но почему же не должен? – удивлялась Ольга. – Я же работаю, как и ты. А ты же сам видишь, что здесь творится: за этими подружками, за вашими пьянками не наубираешься, не наготовишься.

– А ты и не делаешь ничего. Только полёживаешь с книжками – газетками, да шляешься где-то.

– Но кто же тогда делает – то?! – Ольга искренне обижалась. – Ведь не спишь ты на грязном, голодным не ходишь. И Олежка всегда в чистом. Зачем ты так, Коля?!

– А ты на него не ори! – вмешивалась мать. – Скажи спасибо, что взял тебя, дуру набитую. Другой бы бросил с дитём и поминай, как звали. Как твой папаша когда-то. Думать надо было, когда по посадкам гуляла. А теперь твоё дело помалкивать в тряпочку и делать, что муж скажет.

...Когда становилось невмоготу, Ольга уходила. В посадки или в степь.

Подросший лесок, как обычно, дарил ей запахи то весенней свежести молодых листочков, то жарких, прогретых на солнце, горячих даже на ощупь. Запах закипающей смолы в трещинках коры сосенок или терпкий аромат хвои под лёгким снежным покровом.

В степи обнимали ноги высокие травы, лилось в широко распахнутые глаза небо. То блёклое от зноя, то пронзительной синевы. То чистое, то затянутое клубящимися облаками.

В непогоду просто бродила по городу.

В городе тоже жили деревья. Их Ольге было особенно жаль. Зажатые среди асфальта и бетона, они страдали в городе, наверное, так же, как она в своей сумасшедшей квартире: тесно, громко, угарно. И всё же они росли. Боролись за жизнь, утверждали себя наперекор всем невзгодам.

Она училась у них этой жизненной стойкости. И возвращалась с прогулок спокойная, готовая перенести новые и новые трудности, нападки мужа и матери.

Иногда брала с собой Олежку. Сын рос тихим, замкнутым. И только на этих прогулках могли они вдоволь наговориться. И – посмеяться. Они даже называли эти прогулки: «Пойдём, посмеёмся!» Олегу Ольга могла рассказывать обо всём. И о природе, и о технике, и о проблемах житейский. Если что-то было непонятно мальчишке, он серьёзно замечал:

– Ладно, я потом это пойму.

Однажды он сказал:

– Я тебя понимаю, мама. Ты какая – то странная. Как будто тебя две. Дома одна, а на улице – другая. Наверное, это из-за папки. Давай его прогоним. И тогда ты будешь одна.

– Что ты, Олежка! – горько усмехнулась Ольга. – Я папку люблю. И как можно – прогнать?! Он же родной – родной. Просто другой. Непонятно ему, как можно вот так разговаривать. Но ведь и бабушке непонятно. Что же, и бабушку прогнать?! Нет, Олежка. Это только я другая. И ты тоже немножко: ведь ты мой сын. А остальные все, в основном,

одинаковые. Значит, нам нужно приноравливаться к ним. Это мы в их мире живём, а не они в нашем.

А папка... ты не помнишь... Он ведь не всегда таким был... Просто... не сумел, не выдержал... Быть таким, как мы, Олежка, очень нелегко, если есть хоть капелька сомнения в своей правоте. Вообще, странно это и очень сложно. Не только для тебя. – Ольга надолго замолчала, глядя в пространство, машинально ероша мягкие волосы сына. Потом вздохнула и повторила. – Просто он не выдержал... постоянно чувствовать ответственность за весь мир целиком – не за одного себя – за каждое деревце, за каждую травинку... за всё...

Иногда она пугалась, что увлекает сына в свой полуреальный мир прекрасного. Замечала вдруг, насколько он замкнут, необщителен. Тогда становилась строгой мамой, ругала за разбитую обувь, плохие отметки в школе. Но, опять же неестественно, требовала: «Найди себе друзей, общайся со сверстниками!»

Тысячи матерей стремятся отгородить своих детей «от дурного влияния улицы». Она гнала сына во двор. А он приходил вскоре, угрюмый:

– Они ничего не понимают! Только про видики рассказывают. А я начну то же самое из книжки – «ха – ха», да обзываются.

Иногда приходил с синяками.

– Ты хоть сдачи даёшь? – спрашивала Ольга.

– Это же больно! Я не могу ударить: это больно! – в слезах кричал сын.

И Ольга обречённо всплёскивала руками:

– А тебе? Тебе ведь тоже больно.

– Но они не чувствуют этого. Они же – другие...

* * *

Другие... Не помнит она, когда разделила эти два мира: свой и тот, в котором приходилось жить, в котором жили все остальные люди. Подозревала, что такие, как она, тоже есть. Но не встречала. И виделись ей эти люди звёздами в ночном хмуром небе. Чернота и тучи – весь мир. А звёзд, вроде и много, но как же они далеки друг от друга! Светятся, каждая сама по себе. А тучи скроют – не пробьётся их свет, никого не озарит: звёзды – яркие солнца лишь в своём мире. Чтобы звёзды соединились, им нужно взорваться, сгореть, исчезнуть...

Себя ощущала такой вот звёздочкой: слабой и одинокой, закрытой сплошной пеленой грозowych облаков.

Когда это началось? Может, ещё в детстве, когда от подружек, от шумной компании, убежала в степь глядеть на травы и небо, в посадки – разговаривать с деревьями?

Может, с того странного сна, что так часто потом повторялся, привнося в душу смятение и возвышенное успокоение?

Или просто постепенно, в течение всей жизни, накопилось это понимание обособленности...

А скорей всего, с того давнего разговора с мужем.

* * *

– Коля-колокольчик! Что ты загрустил?

Ольга ласково отвела со лба Николая мягкую светлую прядь. Тот, покусывая травинку, задумчиво следил за скользящей в синем воздухе паутинкой. Ольга, проследив его взгляд, вскочила со скамьи в сквере, где они сидели, догнала паутинку, унизанную, как бисером, мельчайшими капельками росы. Капельки в солнечных лучах искрились, играли всеми цветами радуги. Смеясь, Ольга подхватила паутинку – ожерелье за края и торжественно понесла к любимому:

– Не печалься, родной, что лето тёплое минуло! Я тебе эту драгоценность дарю навсегда! – и диадемой надела на волосы Николая невесомую нить.

Он смотрел на неё как-то странно. Изумление и одновременно досада сквозили в его светлых глазах.

– Что, Коля?! – уловила Ольга его состояние. – Я что-то не так делаю?

– Не знаю – пожал тот плечами. – Может и так. Может сейчас это – нормально... Но ты всегда такая... Всегда! А семья, а быт?! Об этом же тоже нужно помнить. Почему я, работая, умею не видеть, не отвлекаться на всё это... – он широким

взмахом руки указал на печальную красоту осеннего сквера.

Бледный тополиный лист, плавно опускавшийся в чистом прозрачном воздухе, взметнулся в вихре, рождённом этим взмахом, и доверчиво лёг в раскрытую ладонь Николая. Тот несколько мгновений смотрел на него. Ольга тоже не сводила заморожённых глаз с неожиданного дара осени.

– Коленька! – прошептала. – Правда – чудо какое: осень нам подарила его. Прямо ладошка в ладошку...

Николай стряхнул оцепенение вместе с листом из ладони.

– Видишь, – досадливо отмахнулся, – я тебе – об одном, а ты... Кроме этого и видеть ничего не хочешь. Сейчас придём домой – мать, небось, пьяная, жрать нечего, не подметено... А у тебя в голове – этот паршивый листок да паутинки!

– Что ты, Коля! Я же и приготовлю, и убери, – чуть обиделась Ольга, поднимая с земли листок. – А его я спрячу. Ты не бойся, он не будет мешать...

Дома Ольга спрятала лист в альбом с фотографиями. Предчувствия Николая оказались верны, и она немедленно принялась за приготовление ужина. Но действительно, всё не могла ни паутинку – диадему на светловолосой голове мужа, ни листок, доверчиво опустившийся в его ладонь. И, конечно, что-то у неё пригорело, за солью проследила, но положила много перца, и потом сама же долго не могла отдышаться.

– О чём ты думала, когда варила?! – упрекала мать.

– О паутинках – листиках! – раздражённо бросил муж. –

У неё только это в голове... Под такое блюдо выпить надо. Давай, тёща, наливай!

Ольга вскинула глаза во внезапной обиде, смешанной с изумлением: до сих пор Николай не разделял пристрастия тёщи к выпивке. Мать она понимала. Та долгие годы работала на тяжёлой работе в бригаде с мужчинами. Там и привыкла пить. Но муж...

– Чего уставилась, мечтательница? – рассмеялся Николай почему-то зло, нервно. – Разве я не прав был? Сама виновата! – и вдруг взъярился. – Не смотри! Не смей... ТАК смотреть!

Внезапный удар по лицу отбросил Ольгу к стене. Вскинув обе руки ко рту, чтобы не закричать, она продолжала смотреть на мужа невероятно распахнутыми глазами...

Потом Ольга научилась в обиде глаза опускать. Потому что однажды Николай всё же признался ей:

– Когда ты ТАК смотришь, – обиженно, – становишься до такой жути чужая, что... Да не смотри же ты!!!

– Почему – чужая, Коля?! – изумилась Ольга. – Я же – вот она – вся твоя. Ты обидел, – на следующий день я не помню. Не притворяюсь – в самом деле не помню.

– Знаю! – Николай, ломая спички, лихорадочно раскуривал сигарету. Наконец, затянувшись и выпустив длинную струю дыма в открытую форточку (разговор происходил на кухне), заговорил опять. – Ты живёшь совершенно без памяти. Не помнишь имён, не помнишь зла... Не помнишь да-

же, ЧТО отвечаешь мне на обиду, КАК отвечаешь. Ты становишься тогда чужая не просто мне. Чужая – вообще всей жизни этой!

– Зато я люблю тебя без памяти! – заливисто засмеялась Ольга. – Не помня ничего плохого, я помню каждый твой нежный взгляд, каждое ласковое прикосновение... ты говорил тогда, в сквере, что умеешь отключаться, не видеть красоты этой жизни. Коля... а может, вы все, кто старается не видеть, может, вы все – чужие этой жизни, а не я?!

– Дура ты, Ольга! Это как в армии получается: вся рота – не в ногу, один командир – в ногу. Подумала бы, что городишь!

Ольга присела напротив мужа, подперев щеку ладонью, помолчала задумчиво.

– Я думала, – произнесла медленно. – Много думала, Коля...

– Ну и что же ты надумала? – с иронией усмехнулся муж, гася окурок в пепельнице.

– Что это бывает – правда: вся рота не в ногу... Просто когда-то, очень давно, люди пошли не в ногу со всей жизнью Земли. И считают себя правыми. А командир... он, на параде, не смеет оглянуться и поправить...

– Это такие как ты – командиры?! – Николай в смехе откинулся на стуле, чуть не опрокинувшись вместе с ним. – Ну, сказала! – и вдруг посерьёзnel. – Слушай, ты так в психушку попадёшь. Кончай дурить! Живи, как надо. Твои дела –

работа, хозяйство, дитя воспитывать. Надумала рожать – думай, что делать с ним будешь.

– А ты разве об этом не должен думать? Коля, он же наш общий... – Ольга незаметно погладила чуть округлившийся живот.

– Мне, при такой идиотке жене, надо думать, как прокормить вас, а не о воспитании. Мне, видишь ли, не до листиков – цветочков.

– А тебе не жалко? – Ольга опустила голову, рассеянно водя острием ножа по узорам клеёнки кухонного стола. – Не жалко тебе, что – не до них?

Какое-то время муж молча разглядывал её, потом встал, подошёл к окну и, распахнув шире форточку, закурил новую сигарету. Стоял так долго, выпуская струи дыма в ночной морозный воздух.

– Жалко – не то слово, – отозвался, наконец, не оборачиваясь. – Просто всё это – оно как праздник мгновенный должно быть. Мелькнуло – сердце дрогнуло – и дальше жить надо. Обычной жизнью. Ну, нельзя же... нельзя жить в вечном празднике! – обернулся к ней, захлопнув форточку. Будни – их ведь больше в жизни...

– Для меня это – не праздник, – тихо ответила Ольга. – Это – сама жизнь... Я по – другому не могу. Не умею и не могу. Я пробовала... А ты... ты всё реже отмечаешь эти праздники. Чаще – обычные, человеческие. А праздник единства с Природой... Коля! – вдруг с восхищённым изумлением

оглянулась она к мужу, – ведь в том сквере растут клёны и акации! А тебе на ладонь опустился тополиный лист. Как это?!

– Ерунда! – передёрнул плечами Николай. – Занесло ветром... А вообще, – усмехнулся, – тополь – моё дерево. Дома у меня есть тополь. Бабка говорила – пророс в день моего рождения. Да чушь – всё это! Вон, по гороскопам, у меня совсем другое дерево, кустарник даже... Кончай базарить, спать уже пора!

– Сейчас пойдём. Только... Коля, ты ведь... раньше – раньше был такой же, как я. Почему ты перестал всё это замечать, чем жил тогда?

– Потому что два идиота в семье – это явный перебор! Меня уже бесит твоя упёртость. Ну, замечай, пожалуйста, замечай... На здоровье! Но какого... ты навязываешь это всем?! Кому это надо – вечная ответственность за травы и леса?! Дай Бог, за себя ответить...

Ольга молча собирала со стола в раковину, так и не вымытую посуду: совсем о ней забыла за разговором.

Больше таких разговоров не было. Было другое. Совсем другое...

* * *

... – Коля, ты слышишь, что поют деревья? Смотри, как склоняют они к нам свои ветви! И листочки молодые... по-

трогай, клейкие какие!.. И пахнут изумительно!.. Я люблю тебя! И все деревья этому радуются: они понимают нас, они с нами!

– Придумала! Ну, о чём ты говоришь?! Посмотри лучше сюда: – Николай дурашливо склонил её голову, – есть один человек, который лучше деревьев понимает нас...

* * *

... – Ну, что ты стала, как идиотка, посреди дороги?! Хотела в кино, так пошли! – раздражённо, муж за руку сдёрнул её с дороги на тротуар.

– Подожди, Коля! Малыш... Вот, потрогай: как бьётся! Я шла, смотрела на облака, как они бегут, как меняется их форма и окраска. Ему понравилось это, и он запрыгал... – Ольга счастливо рассмеялась, прижимая ладонь мужа к круглому своему животу.

Тот резко выдернул руку:

– Дура! – и, видно, чтобы смягчить, добавил. – Нет, ну это же глупо: посреди улицы так себя вести. Люди смотрят!

– Ну и пусть смотрят! Мы же вместе. Мы счастливы. Пусть все видят это!

...Они с Олежкой прибежали из садика, попав под внезапный ливень. Хохоча, снимают промокшую одежду, обувь.

– Коля! – глаза Ольги лучатся от счастья и изумления. – Олежка, расскажи папе, что мы видели! – и, не дожидаясь, пока сын начнёт. – Ой, ты представляешь: ливень, молнии вот такие – прочертила рукой зигзаг, – и вдруг – солнце! Как всё засверкало! И – радуга полетела! Скажи, Олежка, – полетела! Знаешь, как, – прямо на ливне зажглась и падает, падает...

– Ты жрать готовить думаешь? – оборвал жену Николай. – Я с работы пришёл! А она шляется. Ребёнка под дождём таскает. Заболеет – опять на мою шею сядешь...

– Я не заболею, пап! Это правда было красиво: она летела прямо на нас!

– И мы теперь совсем-совсем радужные! – ещё смеясь, подхватила Ольга. – Ты не ругайся. Я сейчас... У меня всё готово... Только Олежке сухое надену... Коля, родненький! – обвила шею мужа руками, заглянула в глаза. – Я люблю тебя! Ну, почему ты не видишь эту красоту?!

Николай сбросил руки жены, оттолкнул:

– Мокрая! Вытри волосы и не болтай ерунду.

– У тебя неприятности на работе? Расскажи, что случилось?

– А! Разве ты поймёшь?! – отмахнулся. – У тебя одно в голове: лютики-цветочки.

– Ты не прав. Я всё понимаю. И мне тебя так жалко, что ты совсем не такой, не можешь радоваться радуге...

– Какая, к чёрту, радуга?! – взорвался Николай. – В доме срач! Жрать нечего! А ты – радуга!..

– Как – нечего? – изумилась Ольга. – Я же приготовила... – подняла крышку с кастрюли и охнула: та была пуста. Растерянно опустила руки. – Опять те... Господи... Мама!

Зашла в комнату и обречённо сникла: мать, пьяная, спала. На столе стояли тарелки с недоеденным, несколько бутылок и стаканов.

Вот и снова тучи затянули сверкнувшую, было, ярко звёздочку...

* * *

... – Коля, мама! – Ольга, встревоженная, остановилась в дверях. – Слышали, – посадки горят! И никто не знает, почему. Что-то странное происходит. Говорят, – деревья сами по себе вспыхивают... И люди стали чаще умирать... У нас завтра опять похороны – собирали деньги. Уже пятый раз с начала года. А сколько у нас людей – то... И как будто связаны они между собой – люди и деревья...

– А тебе какое дело?! Ты о семье думать должна, а не о людях да о деревьях. Там пацаны балуются, костры жгут. При-

думала тоже: связаны! Год високосный, вот и мрут. Всегда так.

– Високосный был прошлый...

– Тут мать, может, помирает! А она – люди!

– Ну, мам, чего ты придумала?! Мам, а у тебя есть любимое дерево?

– Ольга! Оставь свои глупости! Убери лучше. Вон, Олег твой, опять, видно двойку принёс – притих. Совсем дитя забросила. А ещё второго собралась... Тебе в больницу, а за Олегом я смотреть должна, а Николаю жрать я должна готовить?! Хватит: тебя всю жизнь обслуживала! – и, помолчав, добавила вдруг. – Орех наш я любила. В том доме ещё. Так, Маринка сказала: срубили его этим летом, высох, говорят...

IV

Снова завернул ветер, погнал дым и копоть на город. Белая пороша на газонах начала сереть от хлопьев пепла.

Ольга остановилась у перекрёстка, поставив у ног сумки, чтобы дать отдых рукам. С воем сирен в сторону окраины пронеслись две пожарные машины, высверкивая маячками начинающиеся сумерки.

– В посадки, – раздалось рядом. – Всё горят... И когда их уже потушат – то? Копоти сколько – бельё не выведешь. Да и продохнуть уже нельзя от дыму – то.

Ольга повернулась к говорившей женщина:

– А почему они горят? Уж сколько лет...

– Дак ведь известное дело: пацанва ж балуется, траву жгёт – вот и горят...

Ольга с сомнением покачала головой: какая трава в начале зимы?

– А в дождь? Они же, бывает, и в дождь горят.

– Та, може, бензином? – высказала нелепое предположение женщина, ступив на дорогу и тут же отпрянув назад: с таким же воем и маячиком мимо проехала «скорая помощь». – Вот и люди... задыхаются от дыму, – то сердце, то астма... Мрут, как мухи... – бросила и зашпешила через дорогу.

– Нет, это просто безобразие!

Ольга вздрогнула от неожиданности. Только что нагну-

лась поднять сумки, и вдруг увидела, как чья – то большая, из обшлага чёрной куртки выглядывающая рука ухватила одну из них. И тут же раздался этот неприятно – надтреснутый голос. Она машинально рванула сумку к себе. Но мужчина, оказавшийся перед нею, ловко перехватил и другую. В растерянной беспомощности Ольга выпрямилась, глянула на нахала. Тот, возвышаясь над нею, задорно – возмущённо улыбался.

– Нет, это просто безобра – азии! – повторил он, комично растянув последнее слово. – Женщина в таком положении и такой груз! Извините! – добавил мягче. – Нам, кажется, немного по пути. Позвольте Вам помочь.

– Да Вы что! – Ольга смущённо развела руками. – С чего Вы взяли?! Я сама... Мне рядом... – и совсем уж беспомощным тоном: – Отдайте...

Мужчина, словно размышляя, некоторое время стоял молча против Ольги с её сумками в руках. Потом, приподняв плечи, по – птичьи склонил голову набок и озорно – мальчишески бросил:

– Не-а! И не подумаю! Пойдёмте, – добавил уже серьёзно. – Вон там, в сквере, – скамейки. Нет, правда, Вам надо хоть десять минут отдохнуть, – и крупно зашагал в сторону сквера.

Ольге невольно пришлось идти за ним. Кричать, привлечь внимание людей было неловко: ведь ей предложена помощь. И никуда он не убегает...

В сквере мужчина аккуратно поставил сумки на скамью, затем достал из внутреннего кармана куртки многократно сложенную газету, развернул её и, постелив на сидение скамейки, предложил Ольге:

– Садитесь.

Она демонстративно-смиренно уселась, сложив руки на коленях. Некоторое время они молчали. Мужчина стоял перед Ольгой, слегка покачиваясь с пятки на носок, засунув руки в карманы куртки, расположенные высоко, где-то под грудью. Она разглядывала его.

Длинная шея с острым кадыком торчала из полурасстёгнутого ворота. Длинные до плеч волосы на непокрытой голове чуть тронуты сединой по тёмно-каштановому. Длинные ноги в коротковатых джинсах. Длинный нос над тонкими, тоже словно длинными губами.

Ольга неожиданно расхохоталась: таким забавным ей показалось вдруг всё это сочетание длиннот.

Мужчина, склонив голову набок, вопросительно глянул на неё пронзительно – чёрными, чуть углубленными глазами. И, вдруг присев перед нею на корточки, отчего колени его оказались выше плеч, тоже тихо засмеялся.словно прочитав Ольгины мысли, произнёс сквозь смех:

– ... и длинное молчание.... Но давайте не будем молчать. Потому что, вопреки всему длинному, встреча наша очень – очень короткая, – он погрустнел. – А жаль, вот так: долгие – долгие поиски, внезапная находка, коротенькая встреча и...

и – всё!

– О чём вы? – непонимающе спросила Ольга.

– Да так... – он потянулся к растущему у скамьи кусту, сорвал чудом сохранившийся узкий листок, помял его в пальцах, понюхал. – Что это? – спросил. – Вы знаете?

– Нет. И не хочу знать. Зачем это?

– Как это – зачем? Вы не любите растения? Не любите деревьев, кустарников, цветов?

– Я люблю деревья. Люблю кустарники. Люблю цветы. Но разве для любви обязательно знать имя? Зачем? Вы будете больше любить дерево, узнав его имя?..

Этот кустарник... весной он цветёт изумительно душистыми белыми кистями. От его аромата опьянеет можно. Особенно когда только что прошёл дождь, солнце высверкивает в капельках дождинок, словно миллионы радужек горят кругом. И – аромат... пьянящий, кружащий голову... Хочется снять туфли и кружиться в вальсе босиком по лужам среди этого радужного сверкания и... – Ольга смущённо замерла. Что это она?! Глупости какие! Неловко повернулась, притянула к себе сумки, пряча глаза. – Извините... Я дура... я знаю это... – попыталась встать, но мужчина остановил её, слегка прикоснувшись к колену под распахнувшейся полой пальто. Ольга судорожно стянула полы и застыла, придерживая их.

– Расскажите ещё, – тихо попросил мужчина.

– Что? – Ольга не поняла. – Глупости всякие! – помолчав,

добавила. – Но я всё равно люблю их. В школе ботаникой увлекалась, даже в юннаты ходила. Только почему-то не запоминаю ни названий, ни как ухаживать... Но ведь можно просто любить. Без памяти, – тихонько засмеялась. – Вот такая она – любовь без памяти...

И не только растения. А всё – всё! Всё так красиво! И паутинка в туманных бисеринках, и радуга, падающая с ливнем; облака рисуют целые картины, а жизни этим картинам – миг... Ручейки – самые неповторимые из всей текучей воды: каждый миг меняют форму своего русла, каждое мгновение – новый звук в журчании их... Пустите щепочку – кораблик и – изменилась мелодия, изменился узор волны... А ещё – небо. Разное – разное! И – звёзды... Но зачем это?! Это – мой мир! И никому до него нет дела. Люди – звёздочки так далеки друга от друга... А чтобы соединиться – сгореть надо. Это страшно. И кто на это пойдёт?..

– Вы бы пошли?

– Я? Нет, вряд ли. Я довольствуюсь тем, что моего света хватает для самых близких. А им сгоревшая звезда не нужна. Да и вовремя это нужно... – Ольга замолчала, заметив, как вдруг странно – неуловимо переменялся взгляд мужчины. Словно открылась заслонка на глазах. И – повлекло, закружило... Нежность, бесконечная любовь и... тоска. Показалось – полыхнуло по черноте голубое сияние – тёплое, притягивающее, влекущее... Она отшатнулась, прикрыла рукой глаза. – Вовремя... – проговорила еле слышно.

И – пропало наваждение. И опять взгляд мужчины стал внимательно – тревожным. Тихо коснулся её вновь:

– Расскажите про ваше любимое дерево.

– Дерево?.. – Ольга в растерянности замялась. – Дерево...

Они все – любимые.

И сейчас, когда такие печальные. И весной, когда такие нежно – беззащитные. И летом, когда уже словно повзрослели. Но так им тесно и жарко! И запах пыльной горячей листвы... И запах смолы... А осенью, хоть и замирают, желтеют листья, но почему-то осенью деревья особенно живые. Больше, чем летом. Правда! Тогда они говорят. Про всё – про всё!

А то дерево растёт над ручьём. Зимой оно сумрачное. Ветки тонко чёрным очерчены. Весной такое нежно – изумрудное. И – золотое: всё в ореоле золотой пыльцы. Летом – задумчиво – кудрявое. А осенью... осенью живое – живое! И говорит, говорит, говорит... Про всё – про всё!

– О чём говорит?

– Про всё, – Ольга снова растерянно умолкла. – Про всё, – добавила, помолчав. – Просто нужно слышать, – и опять ступевалась под пронизательным взглядом чёрных глаз.

– А Вы пишете?

– Что? – встрепенулась Ольга.

– Ну, вот, как Вы рассказываете, – пишете? Прозу или стихи. Или просто дневник?

– Какие стихи?! И проза... – Ольга горько усмехнулась. – Моя проза – вот она, – вновь притянула к себе сумки, огля-

делась вокруг, поправляя узел косынки и, заметив внезапно, что сумерки-то уже довольно сгустились, вдоль улицы цепочки огней побежали, охнула. – Время-то сколько! Вы извините... спасибо, Вам, конечно, но я очень спешу. Мне семью кормить надо... – почему-то виновато пробормотала она. – Только не провожайте меня... Я вон в том доме живу... Мне – рядом!

Мужчина молча встал, помог ей подняться со скамьи.

– Вот видите, – тихо сказал, – такая короткая встреча. И такая... и так... не вовремя... Но спасибо Вам! – и быстро, торопливо даже как-то, ушёл.

Ольга посмотрела ему вслед. Затем сняла со скамейки повлажневшую газету, свернула её аккуратно и положила в сумку. Почему-то было очень легко. Так, что «хочется снять туфли и кружиться в вальсе босиком по лужам...» Она улыбнулась и снова посмотрела вслед скрывающейся вдали, силуэтом мелькающей в свете фонарном, длинной нескладной фигуре. «А имя? – подумала. – А! Зачем имя?! Разве от этого всё станет лучше?»

V

По брошенным у самого входа сапогам Ольга определила, что Николай уже вернулся с работы. И, как всегда в последнее время, не в лучшем состоянии. Что-то с ним происходит... Это уже не «шабашки». Что-то посерьёзнее... Молчит...

Белые, чисто вымытые кроссовки Олега аккуратно стояли под полочкой. Из его комнаты доносился лязгающий звук странной музыки: опять заперся у себя и «балдеет». Димкиных ботинок не было: видно, снова заваялся где-то с друзьями, а ведь уже стемнело. В отличие от старшего брата, Димка был не в меру общителен. А уроки, небось, ни тот, ни другой и не думали делать.

Прислонившись плечом к стене, Ольга сняла туфли, с досадой думая, что вот уже совсем зима, а сапоги из ремонта никак не заберёшь: молний у них, видите ли, нету!

Не выпуская сумки из рук, она, приподняв плечо, сдвинула с головы косынку и, не раздеваясь, прошла на кухню. Там поставила сумки на пол и, тяжело опустившись на табурет у стола, с завтрака ещё заставленного немытой посудой, начала медленно расстёгивать пальто.

В раковине чернела сковорода с остатками застывшего жира: Олег обедал «дежурной» яичницей. Димка же, вероятно, бросив ранец под кухонный стол, отхватил, как всегда,

кусочек хлеба.

Ольга собралась встать, чтобы снять и отнести пальто в прихожую на вешалку. Но в этот миг вновь шевельнувшись, забеспокоился малыш, и она замерла, положив ладонь на живот, бездумно – ласково глядя в пространство. «Ну, что ты, маленький? – мысленно повторяла. – Мы уже дома. Всё хорошо, не бунтуй. А то вот сейчас папка даст нам чертей за долгие шатания». Она тяжело вздохнула.

Словно прочитав её мысли, в дверях кухни появился Николай. Стал, упираясь ладонями о косяки. Искоса глянув из-под чёлки с редкими проблесками седины, Ольга отметила, что набрался он сегодня основательно. Глаза его, обычно ясно-зелёные, были сейчас оловянно-мёртвые. Она не любила этот остановившийся взгляд мужа. Вся сущность её протестующее сжималась в комок где-то под сердцем, заставляя его выстукивать сбойный ритм. Но даже и в таком состоянии с неизъяснимой нежностью любовалась она мужем. Тонкой стройной фигурой, миловидными чертами лица с чётко очерченными чуть припухлыми губами. Мягкой прядью волос, светлой чёлкой падающей на глаза.

Она любила его. Любила преданно и беззаветно. И жале-ла его.

Ольга поднялась, снимая пальто. Хотела пройти мимо мужа в прихожую, но тот, откачнувшись, толкнул её растопыренной пятернёй в плечо, отчего она снова резко села на табурет. Глянула насторожённо, держа на коленях сложенное

пальто.

– Зачем ты так, Коля? – спросила мягко. – Тебе же самому от этого плохо...

– Где ты шлялась?! – резко оборвал её муж. – Я с работы пришёл!.. Я жрать хочу!.. А ты... т-тварь... Отвечай, где шаталась?!

– На рынок после работы зашла, – оставаясь внешне спокойной, ответила Ольга. – Знаешь, вот даже мяса купила. Килограмм только, правда, но хорошее. И сигареты тебе принесла... – вынула из сумки лежавшую сверху пачку. – Знаешь, так получилось...

– Что случилось?! Небось, хахаля какого встретила? Я здесь голодный, курить хочу, а она... – он замахнулся, Ольга, вскинув руку, привычно перехватила его, крепко сжав за пястье.

– Не надо, Коля. Я просто не смогла попасть в автобус. Пришлось идти пешком.

Николай вывернул руку, замахнулся, было, вновь, но передумал, надорвал пачку, резко выхватив из рук жены, и, прикуривая, прошёл на «своё место», в угол.

Ольга скользнула в освободившийся проём двери. Повесив пальто, вернулась на кухню и, пересиливая усталость и нервную дрожь, принялась разбирать сумки: что в холодильник, что на стол, для немедленного приготовления. Муж курил, демонстративно стряхивая пепел на пол.

– Ха! В автобус она не попала! Она – то... – презрительно

окинул взглядом несколько расплывшуюся фигуру жены. – Разъелась, корова! Уже в автобус влезть не в состоянии! У-у! – снова взъярился. Ольга машинально отшатнулась, но замахиваться он не стал. – Только жрёшь всё, кобыла толсто-задая.

В мгновенной обиде Ольга опустила глаза, чтобы не выдать себя. Молча разделявала мясо. Поставив его в казанке на печку, принялась чистить картошку. Некоторое время на кухне царил тишина. Ольга изредка бросала насторожённый взгляд на мужа. Тот курил, не переставая, поглядывал на неё молча и как-то значительно. Она не выспрашивала, по его виду поняв, что сегодня, наконец, он всё выскажет, что наболело.

Хлопнула входная дверь, и тут же послышался грохот падения: Димка, влетев с улицы, споткнулся о сапоги отца и сходу растянулся во весь рост. Принялся, было, реветь, но, увидев родителя через проём двери, передумал.

– Ма! Есть хочу! – послышалось из прихожей.

– Подождёшь, – бросила Ольга. – Убери там обувь, умойся и делай уроки пока.

Николай на появление сына никак не отреагировал. Заметив на подоконнике сложенную газету, развернул её и пытался читать.

Димка молча вытащил ранец из-под стола, хмуро вышел из кухни.

– Ма! – послышалось опять. – А Олег не впускает! Где

мне уроки делать?

– Ох! – вздохнула Ольга, вытерла руки о полотенце и вышла в прихожую. Громко, стараясь пробиться сквозь лязг музыки, постучала в дверь. Минуты через две та отворилась.

– Чего?! – спросило рослое, под притолоку, создание, возникшее в проёме.

– Олег, – стараясь быть строгой, сказала Ольга, – Димке уроки надо делать, а на кухне я готовлю. Да и тебе не мешает позаниматься.

– Я занимаюсь, – Олег шлёпнул брата по затылку. – Иди, садись. Но только тронь чего! Жрать скоро? – спросил у матери.

– Скоро. Пока молока возьми.

– А мне? – вынырнул Димка из-за брата.

– И тебе тоже. Обделили бедненького.

Ольга вернулась на кухню.

– Мясо горит! – раздражённо бросил Николай.

– Помешал бы...

– Ещё чего! Ты ни о чём не думаешь, а я за тебя ещё жрать буду готовить?!

Олег, появившись на кухне следом за матерью, молча достал из холодильника бутылку молока, отхватил ножом полбатона и, захватив стакан для Димки, так же молча повернулся выйти.

– Олечка! – остановила его Ольга. – Мусор... – кивнула на полное ведро, куда только что ссыпала картофельную ше-

луху.

– Не хочу. Мне заниматься надо. Скажи Димке.

– Ладно, потом.

* * *

Вечер, как ни странно, прошёл тихо. Николай так больше ничего и не сказал. Молча поел и ушёл в спальню, где, лёжа в постели, смотрел телевизор, пока не уснул.

Ольга вымыла посуду, взяла веник. Подметая в прихожей, подобрала и бросила в ванную так и валявшиеся сапоги мужа, Димкины ботинки. Вымыв обувь, вынесла её на кухню, поставила под батарею, сокрушённо покачивая головой насчёт слабого отопления. Затем накинула пальто и спустилась во двор с мусорным ведром.

Выйдя из подъезда, она замерла. Свежий морозный ветер встрепенул её тёмные волосы, тяжёлыми прядями лежавшие на плечах, кольнул холодом широко распахнутые, словно в поисках чуда, глаза, те заблестели от мгновенно выступивших слёз.

Высыпав мусор в бак, она вернулась к подъезду, поставила ведро на ступени и остановилась, глядя в ночное небо. Погода была ясная. Небо, подсвечено огнями города, всё было усыпано крупными мерцающими звёздами. Если смотреть на них не отрываясь, постепенно скрываются из бокового зрения дома, ветви деревьев... Словно поднимаешься

на невидимых нитях ближе, ближе к звёздам. Или переносишься в степь, где на большое расстояние вокруг ничто не мешает видеть небо, видеть звёзды.

* * *

...Она любила уходить в степь. Даже больше, чем в посадку. Из-за этой открытости неба.

Набродившись до усталости, ложилась в траву и подолгу смотрела на плывущие облака, в бесконечную глубину неба.

Иногда ей казалось, что сквозь яркую синеву атмосферы она различает звёзды. Одну звёздочку. Далёкую-далёкую. И очень-очень родную. К этой звёздочке с трепетом тянулось сердце. И тогда приходили странные видения.

Приближалась, нарастала звезда, превращаясь в яркое до белизны солнце. Появлялось ощущение, что Ольга уже не на Земле, а на какой-то иной планете. С зеленоватым, в лёгких сиреневых облаках, небом. И не лежит она, а парит, проплывая над поверхностью. Над ещё более неизвестными травами, деревьями, над зелёными реками. И нет тела у неё. Только нежно светящийся розовым плотный туман.

Ольга пугалась этих видений. Но казалось ей – всё это было. Было когда-то. Давным-давно... И ждала она – облако: вот сейчас, сейчас появится рядом другое существо, чисто – голубого свечения... Имя... Она всё хотела вспомнить какое-то имя. То ли своё, то ли того, голубого... Но память

не подчинялась ей, возвращая в реальность, в синеву земного неба, в золото колкой сухой травы под локтями... И вспоминала она, что дома...

* * *

...Ольга вздрогнула, очнувшись. Ещё раз посмотрела на яркую россыпь звёзд, подхватила ведро и быстро поднялась домой.

Подойдя в кухне к окну закрыть форточку, она услышала тревожный звук сирены. В проёме домов мелькнула, высверкивая синим маячком, белая машина скорой помощи. «Господи! – подумала Ольга. – В последнее время только и мелькают поджарки да скорые. И все – с маячками. Да часто-то как! Почему, Господи?!»

Она закрыла форточку, прогнулась, потирая ноющую от усталости поясницу. Хотела уже идти спать, как взгляд её скользнул по брошенной мужем на подоконнике газете. Странный заголовок привлёк её внимание: «Женщина-берёза». «Что за ерунда?» – подумала и взяла газету. Это была та самая газета, которую заботливо подстелил ей на скамейку странный длинный мужчина. Ольга повертела её в руках и, присев на табурет, принялась читать заметку.

Речь шла о непонятной связи женщины с деревом, растущим у неё в огороде.

« – Я была на кухне и готовила обед – рассказывает Свет-

лана», – говорилось в заметке. – «Вдруг будто кто – то полоснул ножом по правой руке, повыше локтя, брызнула кровь. Я закричала от боли. Прибежал муж, который возился со скотиной в сарае, и быстро повёл меня в наш фельдшерский пункт. Но не успели мы сделать и двадцати шагов, как кровь перестала лить ручьём, а глубокая рваная рана затянулась буквально на глазах.

Удивлению супругов не было предела. Вернувшись домой, они долго раздумывали, что бы всё это могло значить. А когда волнение улеглось и они вошли на кухню перекусить – увидели записку от двенадцатилетнего сына Андрея: «Ма и па! Пил сок из берёзы на нашем огороде. Здоровски! Оставил вам баночку».

...Алексей, муж Светланы, опрометью бросился к берёзе: порез, сделанный на уровне детского плеча, был аккуратно заклеен смолой, смешанной с глиной, рана уже подживала».

Дальше говорилось, что супруги пришли к выводу о несомненной связи между Светланой и берёзой, посаженной ещё её бабушкой, слышавшей колдуньей. Светлана забеременела, когда на берёзе свила гнездо и вывела птенцов птица.

А через три года произошло ещё одно подтверждение этой связи: Алексей заметил на дереве чагу – берёзовый гриб – паразит. У Светланы обнаружилось заболевание щитовидной железы. Принимать гормональные препараты она опасалась.

«Тогда Алексею пришла в голову счастливая мысль: если

его жена и берёза болеют одновременно, то одновременно должны и выздороветь. Долото, стамеска, тоненький острый ножичек – вот инструменты, которыми он «оперировал» берёзу. Отковырнул чагу, аккуратно почистил кору по краям, просмолил.

Светлана, конечно же, выздоровела. Но с тех пор неизвестно, за кем больше – за женой, или за берёзой следит заботливый муж».

Ольга пожала плечами. Ох, эти газетчики! Сенсацию из пальца высосут. Хотя... Может, в самом деле, такая связь есть? Мелькнуло в сознании: поджарки, скорые... и – всё с маячиками... И как ожгло внезапной памятью: «Мам, а у тебя есть любимое дерево?» – «Орех наш я любила... срубили его этим летом. Говорят – высох». И той же осенью мать умерла... Значит – в самом деле?!

Задумчиво она свернула газету и положила в ящик стола. Туда, где лежала книжка квартплаты и прочие документы.

* * *

Проснулась она, как от толчка. За окном серел пасмурный рассвет. «Дым... – подумала Ольга, – опять дым... Даже в комнате запах дыма...»

Повернувшись, увидела, что Николай тоже не спит, курит, лёжа в постели, поставив пепельницу себе на грудь. «Ага, – подумала, – ну, хоть ясно, откуда дым в комнате...»

– Что такое, Коля? – ласково потянулась к мужу. Но тот отстранил её рукой с горящей сигаретой.

– Вставай, давай. Дрыхнешь всё. Пацанам в школу уже надо. Иди завтрак ставь.

– А ты? – спросила Ольга, надевая халат. – Ты почему не встаёшь? На работу же...

– Рано ещё, – криво усмехнулся Николай.

Ольга пошла в кухню, по пути постучав в комнату сыновей:

– Подъём, пацаны!

...Когда ребята ушли, она встревожено заглянула в спальню.

– Коля, а ты? Мне тоже скоро...

Тот по – прежнему курил, лёжа в той же позе. Потом поставил пепельницу на стул у кровати, рывком поднялся.

– Отработался! – бросил зло, натягивая спортивные штаны. – В общем, надо серьёзно поговорить. Пошли жрать.

За завтраком он долго молчал. Ольга тревожно поглядывала то на мужа, то на часы. Опоздать она не боялась, но лучше раньше. Наконец, допивая чай, Николай, не глядя на неё, произнёс:

– Всё! Уезжаем! Надоело всё!

– Куда, Коля?! Господи, как же так сразу? Что случилось-то?

– Что случилось! А ничего не случилось. Надоело!.. Быков этот... Ну, ты же ничего не понимаешь!.. Он и ключа

в руках держать не может, а выпендривается. Ну, я его и послал... И всех послал!.. Всех!.. Иди, увольняйся... Уедем!

– Куда?

– К... матери!.. К моей матери. Там меня мужики все знают. И ты там хоть увидишь, что такое быть хозяйкой. А то вообще ничего не делаешь. Моя мать тебя быстро научит. И огород, и скотина... Быстро научит...

Ольга сидела, растерянная от неожиданности. Наконец, до неё дошёл весь смысл сказанного. Быстро сопоставив услышанное со своими наблюдениями последних дней, она поняла, что Николай уже давно всё обдумал. И, поднявшись, сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.